

періоду (На прикладі Польщі) [Електронний ресурс] / В. Бусленко. – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/slv/2012_13/st39.pdf

Манойло Д. А. Институционализация политической оппозиции: привлечение опыта стран переходных демократий

Детально рассматриваются и анализируются формы институционализации политической оппозиции, существующие на сегодняшний день как в ЕС, так и в странах переходных демократий. Исследуются последствия применения той или иной модели институционализации. В ходе исследования были рассмотрены государства с разными типами политических систем и формами правления. На конкретных примерах исследованы как формальные, так и неформальные механизмы функционирования политической оппозиции.

Ключевые слова: политическая оппозиция, институционализация, страны переходных демократий, политическая система.

Manoilo D. Institutionalizing of the political opposition: engaging experience of transition democracies

Forms of institutionalizing of the political opposition, which exist today in the European Union and transition democracies, are reviewed and analyzed in detail in the article. Consequences of a particular model of institutionalizing are studied. During the study, European states with different types of political systems and forms of government were considered. Both formal and informal mechanisms of functionalizing of the political opposition were studied on concrete examples. The research is concentrated on two major topics or issues. On the one hand, it makes the case for distinguishing different sets of constitutional devices designed to facilitate and channel legitimate political opposition to the government. On the other hand, a brief portrait of what is being considered to represent the key models of institutionalizing political opposition at the constitutional level should be suggested. For each of these models a “prototype” may be found among the consolidated liberal democracies.

The aim pursued in this research is rather to sketch out the specific institutional parameters and the overarching constitutional doctrine of each model. Then they will be evaluated in terms of the respective constitutional practice. The conclusions drawn on the basis of advanced democracies give a chance for constitution-makers and legislators in post-soviet and post-authoritarian regimes to fix errors and to consider a rewarding experience.

As a part of my research, I am supposed to examine why some of the existing models work properly or do not have such outcomes in other countries and why Ukraine can not just make use of patterns which can be found in the advanced practice of the political opposition.

In the research author tries to identify the connections between the chosen model of the institutionalized political opposition and the consequences for the development of political systems, aggregation of interests, which is believed to be one of the key functions, for political opposition. Electoral rules and outcomes of elections should also be studied in detail. It is essential for finding an optimal way of institutionalizing of political opposition in Ukraine in particular.

Key words: the political opposition, the institutionalizing, the experience of transition democracies, political system.

Надійшла до редколегії: 26.03.2014

УДК 323

Е. В. Реутов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ В РОССИИ И УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ⁸

В основе легитимации власти лежит комплекс институциональных, социокультурных и технологических механизмов, функционирование которых в России и Украине имеет свои особенности. Институт выборов в Украине, в отличие от России, является реальным инструментом конкуренции элит, а политический процесс в целом отличается большей непредсказуемостью, порождая «скачки легитимности». В условиях социокультурных расколов и нерешенности социальных проблем это способствует системной нестабильности политической системы. В российском обществе легитимность власти во многом обусловлена безальтернативностью созданной системы и персонификацией власти.

Ключевые слова: власть, институты власти, легитимность, политический процесс, институциональные и социокультурные механизмы легитимации

⁸ Статья подготовлена в рамках Задания №2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (рук.В.П. Бабинцев).

Гражданское противостояние, смена власти в Украине и последующие за ней события в сочетании с реакцией на них в России вновь поставили вопрос о степени социокультурных различий российского и украинского обществ. Российских (и не только) политиков – как со стороны власти, так и со стороны оппозиции, естественно, прежде всего, интересует реальная возможность экстраполяции революционных событий в Россию и технологии их пресечения либо, наоборот, эскалации. Гражданское общество отчасти с завистью, но в большей мере – со страхом и подозрительностью – отмечает пассионарность участников противостояния. Эксперты и ученые пытаются понять особенности политической культуры и социально-экономической ситуации России и Украины, влияющие на политический процесс и властные отношения.

Основным содержанием политического процесса в Украине на протяжении последних месяцев была делегитимация политической власти, смена ее носителей, сопровождающаяся насильственным разрушением политических институтов, и последующие за этим политический хаос и гражданское противостояние, в ситуации которых новая власть пытается решать задачи собственной легитимации. И эти задачи находятся как в институциональной плоскости и связаны с прохождением ряда правовых процедур (выборы и пр.), так и в социально-проблемном поле. Новая власть в целях собственной легитимации должна урегулировать существующие в обществе и в элитных группах конфликты и восстановить структуру управления.

Российское и украинское общества, в силу общности исторической судьбы, в ряде случаев демонстрируют близкие по своему культурно-цивилизационному наполнению реакции на вызовы внешней и внутренней среды. Тем не менее, тенденции последних десятилетий показывают и существенные различия в социокультурной матрице двух обществ. Следует отметить также, что и Россия, и Украина представляют собой общества с сильнейшими социокультурными (и даже цивилизационными) разломами. В России – это противоречия между традиционной, в основе своей православной культурой, не менее традиционной исламской культурой и прозападной либеральной культурой, не говоря уже о многочисленных промежуточных и периферийных вариантах или еще более экзотических субкультурах. В Украине усугубляется социополитическое размежевание юго-востока, центра и запада страны.

В России наблюдается перманентный раскол социума на практически равные доли тех, кто считает приемлемым актуальный социальный порядок и политический курс, и тех, кто настроен по отношению к нему негативно. Причем, среди последних гораздо больше тех, кто ориентирован на советский тип социального устройства, нежели тех, кто усматривает соответствующий образец в западных демократиях. Мнение о том, что «дела в стране идут в правильном направлении», по данным Левада-центра (февраль 2014 г.), разделяют 47% опрошенных, тогда как противоположным образом настроены 37% респондентов. И данное распределение сохраняет свою устойчивость более 10 лет (до этого соотношение было еще хуже) [16]. Более трети респондентов – 39% (данные Левада-центра, январь 2014 г.) – испытывают устойчивую ностальгию по советской политической системе, пятая часть (21%) считает, что демократия по западному образцу является лучшим политическим устройством, и еще меньшая часть населения (19%) считает оптимальной нынешнюю политическую систему. При этом симпатии к советской системе представляют собой устойчивый тренд с середины 1990-х гг., несмотря на фактически произошедшую смену поколений. То же самое можно сказать и о других типах политических ориентаций, за исключением кратковременного роста позитивного отношения к нынешней системе на волне предкризисной эйфории 2008 года [6].

Оценки ситуации в стране раскалывают и украинское общество – еще в большей степени, чем российское, поскольку удельный вес тех, кто считает, что оно развивается в правильном направлении, в последние несколько лет не превышает четверти опрошенных. Так, по данным Центра Разумкова, в декабре 2013 г. соотношение позитивных и негативных оценок составило 26,1% к 54,7% [8].

Патерналистские экспектации большинства населения Украины в условиях неэффективного государства и подавления им институтов гражданского общества по-

служили одной из существенных причин социальной депривации [17, с.80-81]. На вопрос социологов Института социологии НАН Украины (2013 г.) «В какой мере действующая власть решает проблему отстаивания национальных интересов?» - были получены лишь 4,5% положительных ответов: «решает хорошо» - 3,7%, «решает полностью» - 0,6%; на вопрос «В какой мере действующая власть решает проблему укрепления общенационального единства?» - 4,1% положительных ответов: «решает хорошо» - 3,3%, «решает полностью» - 0,7%; на вопрос «В какой мере действующая власть решает проблему повышения благосостояния населения, уменьшения неравенства?» - 2,1% положительных ответов: «решает хорошо» - 1,8%, «решает полностью» - 0,3% [14, р.452].

В условиях внутренней дифференциации российского и украинского общества достаточно сложно проводить межстрановой компаративный анализ. Тем не менее, мы считаем, что различные по формам своего проявления политические процессы, с определенной периодичностью воспроизводящиеся в России и Украине, позволяют выдвинуть гипотезу и об определенной специфике легитимации политической власти. Анализ сходства и различия в процессах легитимации политической власти в российском и украинском обществах, а также характера и оснований легитимности и являются целью данной работы.

В основе легитимности власти лежит согласие большинства членов сообщества относительно целей и ценностей, реализуемых в процессе управления, а также относительно процедур, посредством которых организуются властные институты. Таким образом, легитимность – это сложная система, в которой ментальные конструкции объективируются посредством функционирования институтов.

Легитимация политической власти представляет собой крайне сложный и противоречивый процесс, в котором переплетаются институциональные, социокультурные и технологические механизмы. Роль институтов легитимации заключается в том, что они придают власти заверченный статус и помещают ее в контекст политической повседневности, связанной с реализацией государственных функций. Одним из ключевых институтов легитимации политической власти в современном мире являются выборы, а также иные способы и процедуры ротации и кооптации политической элиты. К институтам легитимации можно отнести также формальные и неформальные механизмы обратной связи, благодаря которым политическое сообщество может дать оценку эффективности власти (парламент, политические партии, электронная демократия, коллективные действия и др.).

Но, рассматривая роль институтов в регулировании процесса легитимации власти, нужно учитывать тенденцию к деинституционализации, все более проявляющуюся в современном обществе. В условиях стремительных трансформаций увеличивается степень мозаичности социальной, социокультурной и «смысловой» картины мира. Благодаря инновациям в информационно-коммуникативной сфере становится возможным образование социальных сетей кратковременного характера с ситуативной идентичностью их участников. Люди получают возможность коммуницировать напрямую не только на горизонтальном уровне, но и по вертикали – с органами власти. Так, «электронная демократия» позволяет индивиду включаться в управленческую деятельность в режиме реального времени.

Социокультурные механизмы легитимации работают на более глубинном уровне – ценностей и стереотипов массового сознания – и определяют характер восприятия власти в целом и отдельных ее институций, действий и т.п. Среди базовых социокультурных механизмов легитимации власти – можно назвать бытующие в обществе представления и практики, касающиеся доверия, солидарности и пр. Доверие как форма личного позитивного отношения к политическим институтам, персонам и процедурам, предполагающее наличие устойчивых позитивных ожиданий от поведения (функционирования) контрагента, приобретает большую роль на фоне индивидуализации политических процессов и коммуникаций, связанно, в числе прочего, с «электронной демократией».

Доверие является одним из наиболее глубоких позитивных аттитюдов общественного и индивидуального сознания по отношению к внешним агентам – в том

числе, к власти. В ряде случаев оно позволяет компенсировать институциональные дефициты и создает основу для массовой мобилизации. Вместе с тем, доверие является достаточно трудноуловимым социальным феноменом, изучение которого особенно проблематично применительно к политической сфере. В российской политической культуре доверие сильно персонифицировано. К тому же оно проявляется преимущественно на уровне социальных сетей – кругов личностно окрашенной коммуникации. Перевод доверия на макросоциальный и институциональный уровень представляет собой определенную социально-психологическую и социокультурную проблему для массового сознания.

Между этими двумя уровнями - институциональным и социокультурным - существует сложная и разнонаправленная взаимосвязь. Как указывают Дж. Марч и Дж. Олсен, институты не только определяют правила игры, но и воздействуют на существующие в обществе ценности, коллективную идентичность, доверие и солидарность, а также этические обоснования действий в отношении них – в форме утверждений о справедливости [7, p.126]. Вместе с тем, результаты многих социологических исследований показывают достаточно сильную взаимосвязь между обобщенным межличностным и политическим доверием: люди, доверяющие окружающим, гораздо чаще демонстрируют и доверие власти [например, 13, с.8].

И, наконец, технологический аспект легитимации заключается в действиях власти, направленных на получение поддержки населения и отдельных его групп и агентов, обладающих ресурсами для формирования общественного мнения. Причем, эти действия могут быть ориентированы как на выполнение функций государства и обеспечение жизнедеятельности сообщества, так и носить сугубо манипулятивный характер.

В политических системах и России, и Украины в постсоветский период был осуществлен транзит к демократическим, в том числе, электоральным институтам. Однако в результате их адаптации к особенностям политической культуры общества и к конфигурации элит оказалось, что демократический институциональный дизайн во многом не соответствует внутреннему содержанию политических процессов – борьбе элит за власть при политической эксклюзии масс.

В российской политической системе, в которой к началу 2000-х гг. победила модель консолидированной элиты, институт выборов преимущественно стал выполнять инструментальную функцию легитимизации сложившейся конфигурации сил, а многочисленные трансформации избирательного законодательства окончательно запутали как регулирующие процедуру выборов органы (избирательные комиссии), так и избирателей. Выборы уже не представляются основной массе населения источником легитимности («санкцией на легитимность»), а расцениваются как продукт сговора, политических махинаций, а «может быть и вообще не образуют собой источника права для массового сознания. Семантика этих социально-политических ритуалов совершенно другая – показная солидарность с властью имущими, социальное послушание, стремление «быть как все» и т.п.» [3, с.38].

В Украине действующие элиты не смогли создать ситуацию безальтернативности власти, консолидировать различные элитные группы в рамках единой провластной коалиции. Попытка В. Януковича сделать это в рамках Партии регионов потерпела неудачу, поскольку правящая группа оказалась настолько эгоистичной в преследовании своих бизнес-интересов, что отсекла от себя потенциальных союзников в лице неинкорпорированных в нее кланов.

Поэтому, если в России политика во многом представляет собой политтехнологии, цель которых – создать видимость конкуренции в условиях несменяемости элит, то в Украине борьбе между кланами и элитами приобрела реальную остроту. В силу этого управляемость электоральным процессом в Украине была ограничена, а результаты выборов стали использоваться контрэлитами для давления на власть. Немаловажно, что внутриэлитным расколам способствовал социокультурный раскол украинского общества на «Запад» и «Восток», который, по мнению 34,4% опрошенных в 2013 г. Институтом социологии НАН Украины респондентов, за годы независимости увеличился (в 2003 г. на это указывали лишь 13,4%) [14, p.530].

В России же социокультурные расколы слабо отражались на внутриэлитной кон-

курении и, тем более, не транслировались на электоральные процессы. Этнические элиты, не будучи консолидированными, не стремились к переделу власти на общенациональном уровне и довольствовались тем, что федеральный центр предоставлял им практически полную автономию в пределах своих республик. При этом этническими элитами для репрезентации собственных интересов использовались преимущественно неформальные механизмы.

При сопоставлении результатов президентских выборов в России и Украине обращает на себя внимание тот факт, что, за исключением 1996 г., в России все выборы проходили в условиях безусловного доминирования одного кандидата и в один тур. Разрыв между кандидатами, опять же за исключением 1996 г., когда он составил во втором туре 13,51%, был очень большим: 2000 г. – 223,73%, 2004 г. – 57,62%, 2008 г. – 52,56%, 2012 г. – 46,42% [рассчитано по: 18]. В Украине, напротив, выборы Президента, начиная с 1994 г., проходили в условиях жесткой конкуренции кандидатов, и все осуществлялись в два тура. При этом разрыв между кандидатами, как правило, был небольшим (приводятся данные вторых туров голосования): в 1994 г. – 7,09%, в 1999 г. (самый большой показатель) – 18,45%, в 2004 г. – 2,73%, в 2010 г. – 3,18% [рассчитано по: 19]. В декабре 2004 г. несогласие политической оппозиции с официальными результатами выборов стало основанием для требований их пересмотра и последовавшей за этим «оранжевой революции».

Таким образом, фактически все президенты Украины вынуждены были действовать в условиях неустойчивой электоральной легитимности, что провоцировало их, в свою очередь, использовать для собственной легитимации не всегда приемлемые в условиях социокультурных расколов общества приемы и технологии – апелляции к украинской этнокультурной идентичности (В. Ющенко) или популистские реверансы в отношении русскоговорящего населения (В. Янукович).

В России электоральная легитимность первых лиц (а также правящей партии) на протяжении последних 15 лет не подвергалась сколько-нибудь серьезным вызовам, что позволило им сформировать ситуацию безальтернативности правящей элиты, а В. Путину закрепить за собой репутационный статус «национального лидера», фактически не отвечающего перед народом за просчеты во внутренней и внешней политике. Последние списываются, прежде всего, на Правительство и парламент, доверие и одобрение деятельности которых со стороны населения имеют достаточно низкие значения.

Средний индекс доверия таким федеральным институтам, как Правительство РФ за период с марта 2010 г. по декабрь 2012 г. (количество замеров – 18) равняется 11,7 п.п.; Совету Федерации (апрель 2010 г. – декабрь 2012 г., 17 замеров) – (-)1,1 п.п.; Государственной Думе (март 2010 г. – декабрь 2012 г., 18 замеров) – (-)19 [рассчитано по: 5]. «Вытягивают» показатели доверия федеральному уровню власти рейтинги персонифицированных институтов – Президента и премьер-министра. Последние преодолели тенденцию к снижению, проявившуюся в 2011-2012 гг. Но даже в этот период социологи ни разу не зафиксировали пересечения кривой доверия с кривой недоверия. Минимальный разрыв междуверяющими и неверяющими за все годы замеров, включая начало 2014 г., составил: у В. Путина – 18 п.п., у Д. Медведева – 8 п.п., а максимальный, соответственно – 62 п.п. и 44 п.п. [9; 10].

Высокий уровень доверия к Президенту и премьер-министру, помимо персонификации, которая связана с личным эмоциональным отношением, включающим преимущественно положительные коннотации, определяется, безусловно, «массовым признанием их символической «роли» – функциональной значимости в воображаемой картине реальности, их важности для поддержания социальной структуры и организации российского общества» [2, с.28]. Однако признание это в то же время связано с констатацией того, что роль «демиурга» выполняется лидерами в условиях отсутствия альтернативы. Наличие такой альтернативы, скорее всего, стало бы фактором редуцирования показателей доверия к «нормальным» для большинства обществ современного типа значениям. По данным Левада-Центра (август 2013 г.), отвечая на вопрос «Как Вы думаете, почему многие люди доверяют Владимиру Путину?», 42% респондентов выбрали вариант «люди не видят, на кого другого они

еще могли бы положиться» [12].

Анализ данных Института социологии НАН Украины, характеризующих оценку гражданами деятельности президентов, показывает следующее: начиная с В. Ющенко, общественное мнение наделяет первое лицо достаточно высоким кредитом доверия, давая относительно высокие оценки деятельности в первый год легислатуры. Затем прослеживается четкая тенденция к их падению. В 2005 г. средний балл (по 10-балльной шкале) оценки деятельности В. Ющенко на посту Президента Украины составлял 5,6, в 2008 г. – 3,8. В 2010 г. средний балл оценки деятельности В. Януковича был 5,1, в 2012 г. – 3,5; правда, к 2013 г. он несколько вырос – до 3,6, но, по результатам соцопросов, его электоральный рейтинг уже тогда уступал А. Яценюку на 7 п.п. [14, p.460].

В отличие от России, в украинском обществе доверие к президентам, за исключением начала их легислатур, связанных с ростом массовых ожиданий, не отличалось кардинальным образом от доверия к другим властным институтам. Так, в 2013 г. Президенту доверяли (полностью и преимущественно) 9,9% опрошенных, налоговой инспекции – 7,7%, милиции – 7,1%, прокуратуре – 7,1%, судам – 7,0%, Верховной Раде – 4,6%, Правительству – 8,1%, местным органам власти – 13,8% [14, p.478-482].

Последующие в начале 2014 г. события показали, что низкий уровень доверия и поддержки действующего президента в условиях внутриэлитных расколов напрямую отражается на его ресурсной базе и возможности прибегнуть к силовому варианту разрешения политического конфликта в случае его возникновения.

Сравнительный анализ политического доверия в российском и украинском обществах позволяет утверждать о том, что в России и в Украине уровень дискредитации политических институтов высок, хотя в России есть институты, удерживающие легитимность власти от падения. Прежде всего, это институт президентской власти, доверие которому остается стабильно высоким.

При всех отличиях политической ситуации в России и Украине можно утверждать о том, в обоих обществах население связывает свои надежды не столько с институтами, сколько с деятельностью главы государства. По данным Института социологии НАН Украины, общественное мнение настроено в целом на доминирование президентской власти в системе разделения властей. Так, 52,3% респондентов в 2013 г. считали, что президент должен быть главой государства и принимать на себя всю полноту ответственности за внутреннюю и внешнюю политику [14, p.463]. Персонификация власти в обеих странах, таким образом, достаточно высока. И Россия, и Украина, по результатам исследования Gallup World Poll (2008-2013 гг., 122 страны), относятся к странам с низким уровнем доверия к институтам (учитывались параметры: поддержка руководства, доверие правительству, доверие к правовым институтам) [1].

Только, в отличие от России, где к настоящему времени сформирована ситуация безальтернативности национального лидера, а степень консолидации элит более высока, в Украине рейтинг доверия Президенту испытывает резкие спады и подъемы, определяемые электоральными циклами. В основе доверия к президентской власти в Украине – не столько уверенность в надежности и эффективности действующего Президента как политика и руководителя, сколько иррациональная надежда на то, что последующий президент должен оказаться лучше предыдущего. Хотя основанием для такой надежды является фактически лишь разочарование в деятельности предыдущего президента страны и слепая вера в декларации его преемника. Роль национального лидера в Украине продолжает оставаться востребованной, но, в силу внутриэлитных конфликтов и социокультурных расколов, ее реализация в настоящее время маловероятна.

Существенным фактором, влияющим на легитимность власти и ее институтов в обеих странах, является коррупция. Как в России, так и в Украине коррупция давно уже стала неотъемлемым элементом общественной рефлексии по поводу власти. По данным общероссийских опросов, на протяжении последних пяти лет доля респондентов, оценивающих уровень коррупции в обществе как высокий, не опуска-

ется ниже 75% (мониторинг Фонда «Общественное мнение») [15]. Удельный вес граждан Украины, считающих, что в системе государственной власти «все охвачено коррупцией» или «коррупция достаточно распространена», достигает в совокупности 82,3% (Центр Разумкова, октябрь 2013 г.). То, что коррупцией поражены, прежде всего, правоохранительные органы, усиливает аномическое состояние общества. При всей терпимости обоих обществ к неформальным практикам коррупция является, таким образом, постоянным и раздражающим граждан фактором. Именно коррупция в массовом сознании становится ключевым объяснением и неэффективности государственного управления на различных его уровнях, и социально-экономической поляризации общества, и его криминализации, и бесправия граждан.

Доминирование социокультурных, в основе своей иррациональных, механизмов легитимации власти в России и Украине и слабость институциональных механизмов в сочетании с практиками политической эксклюзии большинства приводят к тому, что население мало связывает деятельность власти со своими интересами и, наоборот, не считает возможным для себя влиять на действия власти. В России, по данным Левада-Центра, 84% респондентов (опрос 2013 г.) посчитали для себя невозможным влиять на принятие государственных решений [4, с.148]. В Украине (опрос Института социологии НАН Украины, 2013 г.) 76,5% опрошенных отметили для себя невозможность контролировать деятельность властных структур [14, p.455].

Но при этом в политическом сознании и политическом участии граждан двух стран есть ряд отличий, которые фиксируют социологи и которые характеризуют, прежде всего, протестные настроения. По данным украинских опросов, в обществе практически совпадают доли тех, кто считает возможными протестные выступления в месте проживания (20,2%), и тех, кто выражает гипотетическую готовность принять в них участие (22,0%). Количество последних даже несколько выше [14, p.468]. С 2006 г. происходит увеличение доли респондентов, готовых принять участие в предвыборных кампаниях, а также в митингах и демонстрациях [14, p.469]. С конца 1990-х гг. в Украине растет доля граждан, считающих, что лучше выходить на улицы с протестом, чем терпеть ради сохранения порядка: в 1994 г. – 22,7%, в 2013 г. – 42,5% [14, p.470].

В России же – несколько иная ситуация. Протестные настроения с середины 2000-х гг. в целом идут на спад, хотя и испытали всплеск в конце 2011 г., и в настоящее время доля тех, кто готов присоединиться к протестным выступлениям с политическими требованиями, составляет 9%, с социально-экономическими – 13% (опрос Левада-Центра, декабрь 2013 г.). Причем, показатели личного протестного потенциала практически в два раза ниже общественного – оценок вероятности массовых выступлений в месте проживания [11].

Отличия эти связаны, по-видимому, с несколькими факторами: более высоким уровнем потребления в российском обществе, отсутствием в нем влиятельной и консолидированной оппозиции, способной канализировать протестные настроения и, наконец, фрагментарностью позитивного опыта массовых протестов. Население же Украины, с одной стороны, получило опыт неконвенционального воздействия на власть в 2004-2005 гг. («оранжевая революция») и в 2013-2014 гг. (Евромайдан) и, с другой, не растратило имеющихся иллюзий в отношении возможности перемен. Это еще в большей мере создает возможности для «скачков легитимности» власти – особенно в отношении «первых лиц» государства.

Сравнительный анализ процессов легитимации власти в России и Украине дает основание для следующих выводов. Оба общества пережили социальную травму транзита от распределительной социально-экономической системы к стихийно-рыночной, что не могло не сказаться на социальных настроениях и характере социальной адаптации населения. Непреодоленный патернализм большинства столкнулся с негласным отказом государства от ряда социальных функций. В сочетании с социальной дифференциацией, криминализацией, кризисом общественной морали это повлекло делегитимацию социального порядка в глазах не только дезадаптантов, но и многих из тех, кто сумел приспособиться к новым условиям. Естественно, экстраполяция критического отношения к социальному порядку на отношение к власти и ее институтам в

условиях доминирования патерналистских ожиданий стало вполне закономерным.

В обоих обществах можно констатировать слабость институциональных механизмов легитимации власти – таких, как выборы и формализованные способы абсорбции общественных интересов при принятии политических решений. В обоих обществах эффективность государства оставляет желать лучшего, хотя в формализации бюрократических процессов и интеракций власти и граждан (со всеми плюсами и минусами данного процесса) Россия опередила Украину. Как следствие, в обоих обществах достаточно высок уровень отчужденности общества от власти – как в процедурном, так и в социокультурном отношении.

Однако в силу ряда причин комплекс социальных проблем, общий для обеих стран в постсоветский период их развития, в украинском обществе получил гораздо большую остроту. Периодическая смена центральной власти привела лишь к периодическим переделам влияния и собственности между кланами. Неэффективность государства, слабость центральной власти в условиях внутриэлитных и социокультурных расколов делают процессы делегитимации власти в Украине более вероятными и интенсивными. Но наличие отмеченных расколов может становиться для власти и мощным фактором легитимации – правда, в этом случае легитимационные практики, актуализирующие существующие в обществе конфликты, еще в большей степени дезинтегрируют общество. И «скачки легитимности», свойственные украинскому обществу, и персонализация, лежащая в основе легитимности российской политической системы, в сочетании со слабостью институциональных механизмов легитимации власти делают социально-политическую ситуацию в обеих странах неустойчивой, хотя эта неустойчивость и проявляется в разной степени.

Библиографические ссылки

1. «Поддержка народа»: что означает уровень политической лояльности в мире? (по материалам Gallup World Poll) [Электронный ресурс] / Р. Алисаускене // IV междунар. соц. конф. «Продолжая Грушина». – Режим доступа : http://wciom.ru/fileadmin/nayka/gr2014/presentations/5/2/Grushin-2014_ALISAUSKIENE%20WP%20Moscow%20PRESENTATION%20russian%20LAST%20250214.pdf (дата обращения: 11.03.2014).
2. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура / Л. О. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2012. – №2(112). – С. 8–47.
3. Гудков Л. О легитимности социального порядка в России / Л. О. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2004. – №2. – С. 18–42.
4. Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе / Л. О. Гудков // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2013. – №3–4(116). – С.118–179.
5. Доверие институтам власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bd.fom.ru/pdf/d35div12.pdf> (дата обращения: 10.09.2012).
6. Лучшая политическая и экономическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/24-02-2014/luchshaya-politicheskaya-i-ekonomicheskaya-sistema> (дата обращения: 06.03.2014).
7. March J. Rediscovering institutions: The organizational basis of politics / J. March, J. Olsen. – New York : Free Press, 1989. – P.126.
8. Події в Україні розвиваються у правильному чи неправильному напрямі? (динаміка 2004-2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://tazumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=66 (дата обращения: 10.03.2014).
9. Политические индикаторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bd.fom.ru/pdf/d03ind13.pdf> (дата обращения: 10.09.2012).
10. Политические индикаторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bd.fom.ru/pdf/d09ind14.pdf> (дата обращения: 10.03.2014).
11. Протестные настроения россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/22-01-2014/protestnyye-nastroeniya-gossiyan> (дата обращения: 10.03.2014).
12. Путин в общественном мнении: до и после политической рокировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/15-10-2013/putin-v-obshchestvennom-mnenii-do-i-posle-politicheskoi-rokirovki> (дата обращения: 16.10.2013).
13. Реутов Е.В. Детерминанты доверия административно-политическому руководству / Е.В. Реутов // Філософія і політологія в контексті сучасної культури : наук. журнал. – 2013. Випуск 6(1). – С. 8.
14. Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2013. – 566 с.

15. Уровень коррупции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10931> (дата обращения: 10.03.2014).

16. Февральские рейтинги одобрения и доверия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/26-02-2014/fevral'skie-reitingi-odobreniya-i-doveriya> (дата обращения: 07.03.2014).

17. Шульга М. Феномен громадянської депривації / М. Шульга // Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К. : Інститут соціології НАН України, 2013. – Р. 77–83.

18. ЦИК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 07.03.2014).

19. ЦИК Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.cvk.gov.ua/> (дата обращения: 07.03.2014).

Реутов Є.В. Легітимність влади в Росії і Україні: порівняльний аналіз

В основі легітимації влади лежить комплекс інституціональних, соціокультурних і технологічних механізмів, функціонування яких в Росії і Україні має свої особливості. Інститут виборів в Україні, на відміну від Росії, є реальним інструментом конкуренції еліт, а політичний процес в цілому відрізняється більшою непередбачуваністю, породжуючи «стрибки легітимності». В умовах соціокультурних розколів і невирішеності соціальних проблем це сприяє системній нестабільності політичної системи. У російському суспільстві легітимність влади багато в чому обумовлена безальтернативністю створеної системи та персоналізацією влади.

Ключові слова: влада, інститути влади, легітимність, політичний процес, інституційні та соціокультурні механізми легітимації

Reutov E. Legitimacy of power in Russia and Ukraine: a comparative analysis

Russian and Ukrainian societies, by virtue of a common historical destiny, in some cases demonstrate close to its cultural and civilizational filling reactions to the challenges of the external and internal environment. Nevertheless, the trends of the last few decades show significant differences in the socio-cultural matrix of the two societies.

The basis of legitimation of power is a complex of institutional, technological and socio-cultural mechanisms, functioning of which in Russia and Ukraine has its features. Institutions of legitimation give to power completed status, include it in the system of administration and contribute to the realization of its social functions. One of the key institutions of legitimation of political power in the modern world is the institute of elections, as well as other methods and procedures of rotation and cooptation of the political elite. To the institutes of legitimation it is possible to attribute formal and informal feedback mechanisms through which political community can assess the effectiveness of government (parliament, political parties, e-democracy, collective actions, etc.).

The institute of elections in Ukraine, in contrast to Russia, is a real instrument of elite competition and the political process in general is characterized by greater unpredictability, causing «jumps legitimacy». In terms of social and cultural schisms and unresolved social problems this feature contribute to systemic instability of the political system. In Russian society the legitimacy of power is largely due to absence of alternatives created by the system and the personification of power.

Russian and Ukrainian societies have experienced social trauma as a result of transit from the distributional socio-economic system to spontaneously market, which affected the social mood and character of social adaptation of the population.

Paternalism the most of the population met with tacit refusal of the state from a number of social functions. In conjunction with the social differentiation, criminalization, crisis public morals it is caused delegitimation of social order in the eyes of not only dezadaptants, but many of those who are able to adapt to new conditions. Naturally, the extrapolation of a critical attitude towards the social order on attitude towards the power and its institutions in the conditions of the domination paternalistic expectations became quite natural. In both societies it is enough high level of estrangement of the society from authority - both in operational, and in sociocultural aspect. By virtue of a series of reasons the complex of social problems, common for both countries, in Ukrainian society received a much more sharpness. Periodic change of the central authority led just to periodic redistribution of influence and properties between clans. The inefficiency of the state, weakness of the central authority in the conditions of in-elite and sociocultural splits make the processes of de legitimation of power in Ukraine by more probable and active.

Key words: power, institutions of power, legitimacy, political process, institutional and socio-cultural mechanisms of legitimation.

Надійшла до редколегії: 28.03.2014